

Г.Р.Доброва
Санкт-Петербург

Психолингвистические причины общности некоторых фактов детской речи и разговорной речи взрослых

В последние годы, в связи с возрастающим вниманием к антропоцентрическому подходу в лингвистике, все большее количество научных исследований посвящается различным аспектам изучения второй части известной дихотомии «язык – речь». С одной стороны, всем известны ставшие уже классическими труды Е.А. Земской, Е.В. Красильниковой и их коллег (например, [Русская разговорная речь 1973]; [Русская разговорная речь... 1981]; [Русская разговорная речь...1983], [Красильникова 1990]), а также другие труды, посвященные русской разговорной речи. С другой стороны, за последние десятилетия было издано много работ, исследующих детскую речь – труды А.М. Шахнаровича (например, [Шахнарович 1985]), Н.И. Лепской (например, [Лепская 1997]), Т.А. Гридиной (например, [Гридина 2003]), К.Ф. Седова (например, [Седов 1999]), И.Г. Овчинниковой (например, [Овчинникова 2006]) и др. В самые последние годы особое внимание к проблемам изучения детской речи привело к тому, что сформировалась относительно самостоятельная область науки – онтолингвистика, которую возглавляет С.Н. Цейтлин (см., например, [Цейтлин 2000]). К числу исследователей, работающих в названном направлении, относит себя и автор данного исследования.

Таким образом, в отечественной лингвистике изучением и разговорной речи взрослых, и речи детей занимаются много и достаточно углубленно. Вместе с тем, как это ни парадоксально, практически нет исследований, посвященных сопоставлению фактов речи детей и разговорной речи взрослых. Складывается в некотором отношении парадоксальная картина: исследователи находятся каждый в своем «окопе», а дружественные «вылазки» в направлении друг к другу редки и носят исключительно эпизодический характер. Парадоксальной мы позволили себе назвать данную ситуацию потому, что эти области – как нельзя внутренне близки. Если смотреть с точки зрения разговорной речи, – трудно не признать, что детская речь – ее составляющая.

Если смотреть с позиций детской речи, – в роли основного источника ее становления, в функции инпута, безусловно, выступает не КЛЯ, а разговорная речь взрослых. Однако, хотя это и очевидно, как ни странно в некоторых трудах онтолингвистической направленности об этом бесспорном факте как будто забывается – детская речь сопоставляется с КЛЯ, а не с разговорной речью, которая, как известно, достаточно существенно отличается от некоей «нормы».

Между тем главная причина общности разговорной речи взрослых и детской речи все же, как представляется, заключается в другом – в общности психолингвистических причин, порождающих одинаковые отступления от этой нормы.

В данном исследовании мы не собираемся затрагивать те факты совпадений детской речи (ДР) и разговорной речи взрослых (РРВ), которые свидетельствуют о непосредственном влиянии, оказанном разговорной (просторечной) речью взрослых на речь ребенка. Например, в данном случае нам не будет интересно перечислять факты типа того, что, если малограмотная бабушка говорит не *их*, а **ихний*, или неверно ставит ударение в каком-то слове, то и внук говорит так же. Иными словами, мы не будем останавливаться на фактах непосредственного влияния, воздействия просторечия на ДР. Продуктивнее представляется проанализировать некоторые факты, общие для РРВ и ДР, возникающие как бы параллельно, независимо друг от друга, общей порождающей причиной которых, по всей видимости, служат особенности «наивного языкового сознания», наивной картины мира и/или недостаточное знакомство с деталями языковой системы.

Если говорить о проявлении особенностей наивного языкового сознания, то применительно к русскому языку их окажется меньше, чем применительно к языкам, на базе которых проходила креолизация. Поскольку фонологическая система и грамматический строй креолизованных языков во многом формируется путем симплификации – упрощения (об этом упрощении в креольских языках см., например, [Дьячков 1987]), – т.е. за счет свойства, присущего и детской речи (о симплификации в ДР см., например, [Цейтлин 2006]), то очевидно, что в таких языках сходства между креолизованной РРВ и ДР будет больше. Так,

отсутствие словоизменительной парадигматики в креольских языках можно сопоставить с соответствующим этапом развития ДР, когда слово выступает в своей так называемой первоформе – единственной пока форме, по формальным критериям совпадающей обычно (но не всегда) с начальной формой слова, однако выполняющей функции всех или некоторых форм данного слова.

Полагаем, что сходство РРВ и ДР в пределах в принципе креолизованного языка проявляется не только в перечисленных фактах, четко ограниченных конкретным языковым уровнем (например, фонологическим или вышеупомянутым морфологическим), но и в случаях «стыка» языковых уровней – например, сочетания лексического и грамматического «сдвига». Так, известный факт детской речи, когда дети (правда – не все: об этом подробнее см., например, [Доброва 2003]) в целях самореференции используют не личное местоимение 1-го л., а собственное личное имя, можно сопоставить с известным из истории фактом, что негры в Америке в XIX веке (говоря по-английски) также нередко использовали для самореференции собственное имя (не будем в данном случае вступать в полемику о том, что это была за разновидность языка – креольский, пиджин, так называемый «X-ированный» язык или просто особая разновидность негритянского американского английского). Позволим себе предположить, что подобные факты сходства РРВ (в креольских языках) и ДР – несколько более сложны, чем перечисленные выше, поскольку, с нашей точки зрения, основываются не на симплификации собственно конкретных проявлений языковой системы, а на симплификации мыслительных операций. Так, в последнем примере присутствует, как представляется, факт неосвоенности дейктического «перевертыша», интуитивное стремление уйти от сложностей речеролевой идентификации в речевом акте, основанной на понимании персонального дейксиса и функционально-семантической категории персональности, что в свою очередь восходит к когнитивным причинам. Такого рода факты, как представляется, демонстрируют сходство собственно «наивного языкового сознания» субъектов РРВ (в данном случае – в креолизованном / пиджинизированном варианте) и ДР.

Поскольку русский язык креолизации не подвергался, то столь очевидных параллелей здесь, по-видимому, найти не удастся. Между тем отдельные факты сходства легко усматриваются, если сравнить ДР с речью некоторых проживающих в России или за ее пределами (например, на Кавказе) гражданами бывшего СНГ. Так, в обоих случаях легко увидеть факты симплификации, например, падежной системы русского языка (типа **Дай чашка*), вызванные в обоих случаях неосвоенностью русской словоизменительной системы – в речи детей обусловленной возрастными / когнитивными факторами, в речи взрослых билингвов обусловленной причинами, сходными с причинами вышеупомянутого игнорирования словоизменительной парадигматики в креолизованных языках (это может быть и следствием воздействия межъязыковой интерференции с родным языком, и просто непониманием словоизменительной семантики – как конкретной русской языковой системы, так и словоизменительной семантики, например, существительного вообще, как таковой).

С.Н. Цейтлин (см., например, [Цейтлин 2006]), много занимающаяся в последние годы так называемыми детьми-инофонами (приехавшими в Россию из бывших республик Союза и находящихся на весьма различном уровне владения как русским, так и используемым дома языком), предложила следующую классификацию сходных ошибок в ДР и в речи инофонов (вообще инофонов, в том числе и взрослых): унификация основ существительных (**кусоки*), унификация флексий существительных (**под кровати*), стандартизация корреляции глагольных основ (**искаю*), преодоление вариативности способов имперфективации (**разрушиваю*).

Все вышеперечисленное, безусловно, интересно и заслуживает отдельного внимания. Между тем не менее интересна и проблема сходства (вызванного общностью порождающих причин) фактов ДР и РРВ – взрослых, являющихся «натуральными» носителями языка, для которых, равно как и для интересующих нас в данном случае детей, русский язык является родным.

Здесь также факты сходства можно классифицировать, причем различными способами. Например, можно подразделить их по языковым уровням.

Так, на уровне фонетики отметим такое общее свойство ДР и РРВ, как стремление к протезе при начальном гласном: **Воля*² вместо *Оля*, *Буля вместо *Уля* (Ульяна) – в речи пожилой носительницы языка (А.А.Л., 78 лет); *Няня – вместо *Аня* (вовсе не применительно к няне) в ДР (Алеша Д., 1.8). Кстати, сказанное вовсе не означает, что все дети обязательно стремятся к протезе при начальном гласном: напротив, можно найти примеры, когда дети (скорее всего – другие дети) отсекают начальный согласный: *алить вместо *налить* (Женя Гвоздев 1.11 [Гвоздев 1981]), *абра вместо *бобра* (Женя М., 2.6) [Бюллетень Фонетического Фонда... 1994]. Между тем такие факты вовсе не противоречат утверждению, что есть дети, как раз стремящиеся к протезе при начальном гласном, – что и позволяет сравнить этот факт с фактом РРВ.

Общим можно назвать и «неприятие» как в РРВ, так и в ДР так называемого зияния гласных. Если пожилая женщина (Ф.Ф.Л., 69 лет) говорит *тувалет, *гладиволусы, *радива (*радио*), устраняя «зияние гласных» путем добавления согласного [в] в интервокальную позицию, то в детской речи скорее происходит слоговая элизия, также, в конечном итоге, приводящая к устранению «зияния гласных», – *Лино (*кот Леопольд*) (Таня Ш., 1.8). И опять отметим, что приведенный пример из ДР вовсе не означает, что нет детей, которые, напротив, в силу возрастных особенностей (например, неумения артикулировать дрожащие или фрикативные боковые), создают такое «зияние»: *сеий воук (*серый волк*) (Женя М., 2.6 [Бюллетень Фонетического Фонда 1994...]).

Сходно в РРВ и ДР стремление к еще большему, чем в нормативной речи, упрощению кластеров. В детской речи это явление очень распространено, причем упрощаются не только 3-4-х, но и двухкомпонентные кластеры: *кубничка (*клубничка*) (Настя

---

² Здесь и далее, примеры собранные автором данной статьи, даже если они и были уже опубликованы ранее (например, в [Сборник упражнений... 2001], раздел фонетика; [Личные именованья 1990] и др.), даются без ссылки на печатный источник. Примеры же, собранные другими исследователями, даются с ссылкой на соответствующий источник.

П., 3.6), *тички (*птички*) (Ксюша П., 2.2), *де (*где*) (Женя М., 2.6 [Бюллетень Фонетического фонда... 1994]), *стретилась (*встретилась*), *тено (*темно*), *галсук (*галстук*) (Надя Ж., 3.4 [Там же]) и т.д. и т.п. Как видим, упрощаются при этом самые различные кластеры – как двухкомпонентные, так и 3-4-х компонентные; как содержащие [л] (очень типичное для ДР упрощение), так и состоящие из сочетаний фрикативных со смычными, исключительно смычных и др. Нечто подобное можно видеть и в РРВ. Так, из четырех женщин (русских), продававших на рынке кислую капусту, ни одна не произносила *капустка*, исключительно – *капуска. Однако если обратиться даже не просторечию малограмотных носителей языка, а к разговорной речи вполне грамотных людей, то как часто мы слышим *тока (*только*), *уди (*уйди*) и т.п.

Приведенные примеры наталкивают на мысль, что совпадения фактов ДР и РРВ неслучайны. Они порождаются сходными причинами. Позволим себе предположить, что самые распространенные из них – либо устранение того, что в принципе не очень свойственно языковой системе данного конкретного языка и существует как бы на его периферии – например в словах иноязычного происхождения (как в случае с устранением «зияния гласных»), либо проявление стремления к симплификации, применительно к фонетике – к более простому в произношении варианту (как в случае с упрощением кластеров). Таким образом, можно сделать вывод, что в том, что касается сходства РРВ и ДР на уровне фонетики, действуют два основных фактора – стремление к фонетической простоте и к более привычному для данного языкового сознания звучанию. Представляется, что оба эти фактора следует признать восходящими к более общей психолингвистической причине – стремлению к симплификации языковой системы. При этом данная симплификация распространяется как на «техническую» сторону дела – проще произносить, так и на структурные особенности языковой системы – упростить саму систему, «заставив» нетипичное произноситься по доминирующему в данном языке варианту.

Если говорить о лексико-семантическом уровне, то и здесь можно видеть факты сходства РРВ и ДР. Рассмотрим некоторые примеры.

В РРВ достаточно распространено стремление избавиться от присущей русскому языку и русской системе именований человека двухкомпонентной формулы «имя + отчество» путем именования взрослого человека по отчеству: *Ивановна, Петровна* и т.п. Причиной этого, как представляется, является, с одной стороны, нежелание именовать взрослого, а то и пожилого, человека по имени, что носителем языка, особенно принадлежащим к старшему поколению, очевидно, воспринимается как чрезмерно фамильярное, и, с другой стороны, ощущением достаточности одного идентифицирующего маркера, одной лексемы по отношению к одному индивиду. В ДР в некоторых случаях можно встретить буквальное совпадение с РРВ – в том плане, что дети, как и взрослые, вместо двухкомпонентного сочетания «имя + отчество» произносят только отчество: **Акалаевна (Александра Николаевна)* (2.2), **Йиграфьевна (Лидия Евграфовна)* (3.5), **Алинтиновна (Ольга Валентиновна)* (4.7) и т.п. Вместе с тем полагаем, что в ДР причина выбора отчества, а не имени в качестве единственного идентификатора – иная, чем в РРВ: здесь не действует стремление избежать фамильярности, ощущаемой взрослыми носителями языка при именовании другого взрослого человека по имени. Мало того. Детьми, как показали наши исследования (например, [Доброва 2003]), отчество вообще до определенного возраста не воспринимается как именование человека по отцу: ребенок может знать отчество человека, но с недоумением ответить, что не знает, как зовут отца этого человека. Не может служить причиной использования исключительно отчества для именования человека и влияние просторечия взрослых: во всяком случае, Санкт-Петербургские дети, примеры использования которыми отчеств были приведены выше, практически наверняка не сталкивались с такой системой именования человека. Причина сокращения двухкомпонентного именования человека до однокомпонентного – в другом: это ощущение достаточности одного слова-именования по отношению к одному лицу. В пользу этого говорят и многочисленные факты, когда дети «сливают» имя и отчество человека в одно слово и произносят это «именование» слитно, с одним словесным ударением: **Аденьтьевна (Адель Леонтьевна)* (2.11), **Аливановна (Алина Ивановна)* (3.2), **Лидиванна (Лидия Ива-*

новна) (3.3), *Имикалавна (Эмилия Николаевна) (3.3) и т.д. Таким образом, если отбросить детское возрастное незнание ни сути отчеств – как именованья человека по отцу, ни фамильярности обращения младшего к старшему по имени, то и в РРВ и в ДР отчетливо можно видеть стремление к употреблению одной лексемы-идентификатора по отношению у одному лицу, ощущение достаточности одной лексемы. Полагаем, что, несмотря на то, что здесь, как и в случаях с фонетикой, также можно узреть симплификацию, акцент все же в данном случае имеет смысл сделать на другом – на стремлении к экономии языковых средств. Разумеется, если понимать симплификацию широко, то и экономию языковых средств можно отнести к ней, однако нам все же кажется, что экономия средств выражения не всецело принадлежит к области симплификации, поскольку, упрощая «план выражения», иногда усложняет «план содержания». Поэтому представляется, что стремление к экономии языковых средств – отдельная психолингвистическая причина сходства РРВ и ДР.

В области лексической семантики в РРВ и ДР можно обнаружить и другие сходные факты. К ним можно отнести, например, незнание (либо неактуализацию) одного из значений многозначного слова и, вследствие этого, опору на известное значение, сопровождающееся некоторым «протестом» против использования собеседником незнакомого (неактуализированного) значения многозначного слова. Так, пожилой плотник (И.В.З., 80 л.) стоит на стремянке и пытается прибить полочку, сил у него не хватает, и собеседница, чтобы прервать его мучения, говорит: *Иван Васильевич, да бросьте вы эту полку, прекрасно обойдемся и без нее.* В ответ раздается (не в шутку): *Да что ты, Ниночка, зачем же я бросать ее буду, разломается еще. Я ее положу аккуратненько, глядишь – потом и используем.* Сравним это с примерами из ДР. Мать и бабушка ребенка находятся на кухне. Из ванной комнаты раздается треск. Мать бежит туда, возвращается и с облегчением говорит: *Это мыльница полетела.* Алеша с недоверием бежит в ванную комнату, возвращается и с осуждением говорит: *Она не полетела. Она упала.* Он же «исправляет» бабушкино высказывание: *Бабуля, ты сказала, что мама села в троллейбус. Нет, я видел: она не села, она*

встала в троллейбус (Алеша Д., 2.7). Разумеется, имеется некоторая разница в причинах, порождающих коммуникативную неудачу в случае со взрослым носителем языка и с ребенком. Разумеется, старик знал значение глагола *бросить* – ‘выбросить’³. Однако в ситуации, когда он стоит на стремянке и с трудом удерживает полку в руках, значение *бросить* – ‘выпустив из рук, дать упасть’ – для него более актуально. Для ребенка же переносные значения слов *полететь* – ‘упасть, свалиться’ – и *сесть* – ‘войдя, поместиться где-нибудь (для поездки)’, по всей вероятности, просто незнакомы. И все же в этих примерах мы видим и общее: и взрослый (наивный носитель языка), и ребенок в ситуации, когда одно из значений многозначного слова оказалось для него в данный момент «закрытым» (неактуализированным – для взрослого, незнакомым – для ребенка), с уверенностью опирается на более близкое (знакомое) для него значение, не пытаясь при этом вдуматься в смысл высказывания собеседника (задуматься, что же он имел в виду), а «протестуя» против неверного, как ему кажется, использования слова. Позволим себе предположить, что названные примеры восходят к такой общей причине, как некий эгоцентризм наивного носителя языка.

В пользу существования такого общего эгоцентризма говорят и следующие факты. Навряд ли имеет смысл доказывать существование детского эгоцентризма, он общеизвестен. Однако сопоставим следующие проявления эгоцентризма детей и взрослых на материале понимания и/или использования ими терминов родства. Нам приходилось, совместно с исландской коллегой Х. Рагнарсдоттир проводить большой эксперимент, проверявший усвоение детьми семантики терминов родства и родственных отношений. Примеров детского эгоцентризма там было множество, приведем лишь один из них: в эксперименте был вопрос *Есть ли у твоей мамы папа?* с последующей просьбой назвать его имя. Большинство детей до 6-ти (!) лет в ответ называли имя не деда по матери, а имя собственного отца, как бы ведя отчет от себя. Интересно, что такое стремление встать на

---

³ Здесь и далее толкования слов приводятся по «Словарю русского языка» С.И. Ожегова [Ожегов 1970].

собственную точку отсчета мы обнаружили не только у детей, но и у взрослых (что изначально экспериментом проверять никак не предполагалось). Для того, чтобы опрашивать детей, зная имена его родственников, мы предварительно давали родителям анкету и просили перечислить в ней родственников ребенка, причем специально подчеркивалась и особо оговаривалась просьба – указывать родственников с точки отсчета ребенка, а не со своей точки отсчета: например, *Петрова Анна Ивановна – мама, Петров Александр Сергеевич – папа, Петрова Ольга Александровна – сестра и т.п.* К нашему изумлению, весьма значительная часть родителей (около 14%) с задачей – остаться на точке отсчета ребенка – не справилась: начинали они правильно, с точки отсчета ребенка, например: *Петрова Анна Ивановна – мама, Петров Александр Сергеевич – папа*, но вдруг «перескакивали» на свою, не ребенка, точку отсчета: *Петрова Ольга Александровна – дочь, Петрова Елизавета Владимировна – свекровь* и т.п. Если бы такие примеры были единичными, ими можно было бы пренебречь, посчитав случайностью. Однако то обстоятельство, что почти седьмая часть взрослых по ходу ответа меняла точку отсчета на собственную, заставляет нас усомниться в известном постулате, что эгоцентризм – свойство именно детей. Полагаем, что это свойство вообще носителей наивного языкового сознания.

Возвращаясь к области собственно лексической семантики, рассмотрим еще одно сходство – использование в качестве антонимов либо слов с противоположным значением в первую очередь тех же лексем, но с «не». Что касается ДР, нам этот факт был известен давно: так, в направленном ассоциативном эксперименте, когда детей просят сказать «наоборот» и в качестве модели-образца задают антонимическую пару (*большой – маленький, друг – враг*), мы получаем массу реакций с «не»: *плохой – неплохой, враг – *невраг, плакать – *неплакать* и т.п. Также много реакций – так называемых контекстуальных антонимов, не являющихся таковыми в языковой системе, например *плохой – умный* (с противопоставлением исключительно коннотативного компонента) либо *снизу – с потолка* (с опорой на семантический компонент). Собственно антонимов в качестве детских реакций в ассоциативном эксперименте указанного типа –

единицы. Психологи однозначно трактуют реакции первых двух типов (с «не» и «контекстуальные»), как «плохие», свидетельствующие либо о слишком маленьком словарном запасе, о незнании самих слов-антонимов, либо о несформированности в ментальном лексиконе антонимических оппозиций. Мы же не уверены в такой трактовке; нам давно казалось, что подобные реакции – свидетельство чего-то более сложного. Поэтому весьма интересным показался нам выявленный Н.И. Коноваловой [Коновалова 2007] следующий факт, касающийся семантических оппозиций в двух типах заговоров («приворотных» и «отворотных»): по данным Н.И. Коноваловой, в начале текста и/или его частей семантические оппозиции представлены прямым отрицанием с «не» (*раба – не раба, перекрестясь – не перекрестясь, из дверей – не из дверей* и т.п.). Затем, по материалам автора, в качестве лексико-семантических средств, усиливающих оппозицию, например, доброго – злого, используется то, что можно назвать контекстуальными антонимами: *чисто поле – темный лес, широкий двор – змеиная нора* и т.п.

Что касается «контекстуальных антонимов», то, полагаем, не только в РРВ, но в ДР они возникают скорее не от незнания антонимической пары, а по причине, изложенной ниже. Возможно, в ожидании в качестве реакции антонима проявляется уже «наивность» самого психолога, интуитивно уверенного в том, что информант обязан назвать антоним. Между тем, никто ему прямо этого не сказал, на это наталкивает лишь заданная модель-образец и просьба «сказать наоборот». Между тем достаточно очевидно, что в РРВ достаточно часто (подсчетов мы не производили, но полагаем, что едва ли не чаще всего – на что, кстати, наталкивают и выводы Н.И. Коноваловой) семантические оппозиции представлены не языковыми, а контекстуальными антонимами.

Однако еще более существенным представляется ситуация с названными оппозициями с «не». Частотность их возникновения в качестве реакций в специально организованном ассоциативном эксперименте с детьми, равно как и выявленная Н.И. Коноваловой их противопоставленность в двух типах заговоров, свидетельствуют, как представляются, о другом: по всей видимости, «наивным носителем языка» оппозиция с «не» ощущается

как самая «сильная», самая «беспорная». Подозреваем, что это тоже – своего рода интуитивное стремление к симплификации языковой системы и/или к экономии языковых средств: зачем нужен другой языковой знак, с другой формой выражения, если в языке есть более простое средство создания оппозиции – с добавлением «не»?

На уровне словообразования также можно проследить сходство РРВ и ДР. Так, в РРВ существует известное явление народной (ложной) этимологии: *полуклиника вместо поликлиника, *спинжак вместо пиджак и т.п. Весьма распространено это явление и в ДР: *копатка (лопатка), *мазелин (вазелин), *конькей (хоккей) и т.п. Так, об этом много писала С.Н. Цейтлин (например, [Детские словообразовательные инновации 1986] и др.), вышеприведенные примеры – из указанного издания. Интересно, что и в РРВ, и в ДР встречаются случаи и «не совсем ложной» этимологии – когда наивный носитель языка восстанавливает утраченную языком изначальную или просто нетранспарентную внутреннюю форму слова: корона (крона) яблони (Ф.Ф.Л., 69 л.) – *наукина (паутина) (5) (последний пример ДР – из указанной книги С.Н. Цейтлин).

Разумеется, и в области собственно конструирования слов между РРВ и ДР имеются параллели. Отбросим вопрос о писательских неологизмах (типа *молоткастого* и *серпастого* советского паспорта у В.В. Маяковского), а также о сознательно сконструированных окказионализмах относительно грамотных так называемых лингвокреативных людей (*накомпотиться (В.А.Д., 53 г.), *куролапы (Г.Р.Д., 43 г), *котумясо (Е.А.Д., 72 г.), *нахлебник (в значении 'то, что кладется на хлеб: колбаса, сыр и т.п.' (Г.Р.Д., 40 лет) и т.д.) как порожденных иной причиной – стремлением к выразительности и т.п., т.е. сознательными факторами. Детские же словообразовательные окказионализмы (*мокрить (4), *мечтунья (4), *облежаться (4), *разрёвываться (7), *баловнуться (5) и мн. др. – примеры взяты из вышеуказанной книги С.Н. Цейтлин) сопоставимы со словообразовательными окказионализмами «наивных носителей языка», которые в случае, если не находят в лексиконе подходящей единицы, не слишком задумываясь, конструируют собственную (*защимливать, *стукануть (С.К.Л., 67 лет) и т.п.). Полагаем, что в таких случаях

общность ДР и РРВ порождена общей причиной – незнанием языковой нормы, но активным владением языковой системой и умением, следуя ее законам и закономерностям, конструировать слово.

В области морфологии фактов сходства РРВ и ДР также немало. Упомянем лишь некоторые. Например, – использование доминантной падежной флексии существительных: *У меня *палков нет* (Нина Р., 3.5) – *Чем мне помидоры-то подпираться ни *палков, ни кольев – вообще ничо* (С.К.Л., 69 л.). Замена одного варианта личного окончания глагола другим – того же лица и числа, но другого спряжения: *Хороших мальчиков *люблют (любят)* (Алеша Д., 2.2) – *Кто ж так косит? *Косют-то аккуратно* (С.К.Л., 69 л.). Перечень примеров подобного рода, касающихся выбора неверного по форме, но верного по функции варианта флексии различных частей речи, продолжать бессмысленно (их много), отметим лишь их общую порождающую психолингвистическую причину: уже упоминавшийся выше интуитивный отказ от «деталей», разновидностей языковой системы, стремление упростить ее, сделать более единообразной. Из фактов сходства ДР и РРВ в области морфологии упомянем лишь те, которые, с нашей точки зрения, восходят к каким-то иным причинам. Так, в книге С.Н. Цейтлин «Существительное» [Существительное... 1987] приводятся примеры детских ошибок в определении рода существительных, которые в нашей речи употребляются преимущественно в форме мн. ч. (**один туфель, *валенка* и т.п.), и предлагается сопоставить их с аналогичными ошибками в речи взрослых. Всецело соглашаясь с автором в оценке лингвистической причины этих ошибок, попробуем сформулировать психолингвистические причины, порождающие эти ошибочные формы как в ДР, так и в РРВ. Полагаем, что более общая причина психолингвистического плана здесь – не только незнание языковой нормы (что очевидно), но и несклонность выдвинуть (перед самим собой) подозрение, что использованная тобою форма неверна. Если взрослый человек, относительно образованный, и не знает в каком-то случае, какой вариант – верный, он скорее всего задумается, как же надо сказать. Некоторые же «наивные носители языка» часто не только не задумываются, как следует сказать, но и, как кажется, даже не подозревают, что говорят неверно. Точнее, им просто не прихо-

дит в голову, что возможен какой-то совсем иной вариант, отличный от того, который избран ими (или известен им от других таких же носителей языка). И в этом отношении такие носители языка похожи разве что на очень маленьких детей, потому что даже трехлетние дети (а иногда и более маленькие) в большинстве своем задумываются о языке, пытаются как-то корректировать не только свою речь, но и речь окружающих. Поэтому полагаем, что в этом и в некоторых других случаях ДР и РРВ совпадают скорее в факте, но не в «долгосрочном прогнозе»: то, что для очевидного большинства детей исключительно показатель самого раннего этапа и что в ходе речевого онтогенеза чаще всего изменяется, причем изменяется именно в соответствии с закономерностями этого самого речевого онтогенеза, для просторечия некоторых взрослых – постоянный «диагноз». Нам, в связи с известными нам многочисленными фактами ДР, даже в некотором смысле не совсем понятно, откуда берутся взрослые, абсолютно не критичные к собственной речи (ведь среди детей таких почти нет). В любом случае, такую «некритичность» к выбору морфологической формы можно, наверное, все-таки считать общей порождающей причиной ошибок в разговорной речи взрослых и детей (пусть и самых маленьких).

Выше упоминалась такая общая порождающая причина ошибок в РРВ и ДР, как незнание деталей языковой системы и вызванное этим стремление к ее унификации. Казалось бы, примеры, которые будут предложены ниже, можно квалифицировать и таким образом; нам же хотелось бы предложить несколько иную их трактовку. Так, С.Н. Цейтлин выявляет в речи детей стремление использовать для наименования дискретных масс существительные в форме мн. ч. и справедливо отмечает, что в «одних случаях такое употребление резко противоречит норме, представляя речевую ошибку» (**капусты*, **вермишели*), а в других случаях является допустимым (**вяленые рыбы*, **морковки*, **варенье из вишен*) [Существительное... 1987: 11]. Иными словами, такие детские примеры иногда совпадают с РРВ, а иногда не совпадают. Конечно, можно рассматривать эти совпадения как порожденные незнанием деталей языковой системы, однако представляется, что возможна оценка порождающих их причин и под другим углом зрения. В подобных случаях хочется скорее

говорить не о незнании ребенком или взрослым деталей языковой системы, а об интуитивном стремлении к устранению нелогичности, существующей в языке (почему в одном случае это противоречит норме, а в другом не противоречит?). Это уже – несколько иная причина – не невнимание к деталям, а интуитивное стремление к логичности, стройности системы.

Особых фактов сходства ДР и РРВ в области синтаксиса, не порожденных влиянием РРВ на ДР (таковых, естественно, множество), а восходящих к единым причинам, причем причинам, до сих пор нами не рассмотренным, мы не усматриваем. Упомянем лишь имеющий косвенное отношение к синтаксису факт сходства, обусловленный особенностями языкового сознания и маркирования субъекта и приводящий, вследствие этого, к специфическому построению фразы. Мы имеем в виду случаи маркирования себя как субъекта. Нам уже неоднократно приходилось писать (подробнее см., например [Доброва 2003]) о таком явлении ДР, как нежелании обозначать себя как субъекта действия в случае, если это действие привело к нежелательному результату: ребенок скажет *Я помог маме, Я нашел*, но не *Я сломал* (он скажет *Оно сломалось*). Полагаем, что это своеобразный лексико-грамматический способ самоустранения от действия, оцениваемого ребенком как негативное. Нечто отчетливо коррелирующее с отмеченным обнаруживаем в уже упоминавшемся выше исследовании «приворотных» и «отворотных» заговоров Н.И. Коноваловой [Коновалова 2007: 27]. Так, Н.И. Коновалова пишет о несимметричности представления акциональной составляющей в «приворотах» и «отворотах»: наличии выраженного субъекта действия в «привороте» (*Я помолюся, поклонюся* и т.п.) и отсутствии такового в «отвороте», при произнесении которого исполнитель заговора осознает несправедливость своих действий. Представляется, что общей порождающей причиной такого «ухода» от маркирования себя как субъекта действия в ДР и в РРВ в случаях негативной оценки действия самим говорящим является представление (наивное), что языковое маркирование имеет непосредственное отношение к фактам внеязыкового порядка: не обозначишь себя как субъекта действия, значит, вроде бы, ты и не имеешь к нему непосредственного отношения. Возможно, «наивный носитель языка» в большей мере,

чем, например, отягощенный знаниями лингвист, придает значение языку, эксплицированию в речи фактов и процессов, относящихся к внеязыковой реальности. Не-эксплицирование себя как субъекта «нехорошего» действия (переходящее даже в табуирование экспликации) используется, по-видимому, как дополнительное средство выражения субъективной модальности.

Таким образом, мы попытались рассмотреть основные психолингвистические причины общности некоторых фактов ДР и РРВ. В первую очередь, выявилась такая общая для ДР и РРВ порождающая причина, как стремление к симплификации – симплификации как собственно языковой системы, так и мыслительных операций. Обнаруживается стремление к экономии языковых средств, что, как представляется, лишь частично «пересекается» с симплификацией. Кроме того, и в ДР и в РРВ проявляется стремление к устранению тех закономерностей и фактов языковой системы, которые находятся на ее периферии и не очень для нее характерны, а также нелогичностей этой системы. Последняя причина в некотором смысле коррелирует с таким общим свойством ДР и РРВ, как незнание языковых норм, сочетающееся с активным владением языковой системой и умением, в соответствии с ее закономерностями, самостоятельно конструировать языковые знаки, в том числе – окказиональные. Отдельным пунктом выделим такую причину, как эгоцентризм наивного носителя языка. В качестве возможно существующей причины назовем также некое наивное гипертрофированное представление о значимости языковой эксплицированности, о ее воздействии на внеязыковую реальность. Перечисленные в статье причины, наверняка, могут и должны быть дополнены. Данное же исследование мы оцениваем лишь как шаг на пути интеграции различных областей антропоцентрической лингвистики и, в частности, на пути интеграции исследований детской речи и разговорной речи взрослых.

Литература

Бюллетень Фонетического Фонда русского языка. Приложение № 4. Речь русского ребенка: Звучащая хрестоматия. – СПб., 1994.

Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. – Саратов, 1981.

Гридина Т.А. Онтолингвистика: учебное пособие. – Екатеринбург, 2003.

Детские словообразовательные инновации / Сост. С.Н. Цейтлин. – Л., 1986.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). – СПб., 2003.

Дьячков М.В. Креольские языки. – М., 1987.

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2007.

Красильникова Е.В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. – М., 1990.

Лепская Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997.

Личные именованя (лингвистические особенности восприятия и воспроизведения детьми дошкольного возраста) / Сост. Г.Р. Доброва – Л., 1990.

Овчинникова И.Г. Способы выражения таксисной семантики в повествованиях шестилетних детей // Онтолингвистика: Некоторые итоги и перспективы: Материалы научной конференции. СПб., 2006. С.104-110.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1970.

Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1973.

Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1981.

Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1983.

Сборник упражнений по детской речи / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисева, Г.Р. Доброва и др. – СПб., 2001.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. – Саратов, 1999.

Существительное (детские формообразовательные инновации) / Сост. С.Н. Цейтлин. – Л., 1987.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М., 2000.

Цейтлин С.Н. Двухязычный ребенок в русской школе // Современная русская речь: состояние и функционирование. Ч. 2. – СПб., 2006.

© Доброва Г.Р., 2007